

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

Пятьдесят лет с Чонкиным

Владимир Войнович вот уже несколько десятилетий умудряется находиться в центре литературных полемик и дискуссий. В прошлом году ему исполнилось 75 лет, и к юбилею он закончил третью — завершающую — часть «Приключений солдата Ивана Чонкина». «Я вскакивал ночью, чего давно со мной не случалось, включал компьютер или хватался за шариковую ручку и что-то писал. Такого давно со мной не было», — вспоминает Владимир Николаевич

— **Владимир Николаевич, откуда пошла ваша фамилия — Войнович?**

— Правильнее говорить «Войнович». Твардовский называл меня именно так. Это сербская фамилия. Был адмирал Марк Иванович Войнович, основатель Черноморского флота. А основателя нашего рода звали Воин, и был он князем. Он был воеводой короля Стефана Дичанского, и первое упоминание о нем относится к 1325 году. Кроме того, он был женат на королевской дочери.

— **У вас могут быть претензии на сербскую корону...**

по мировоззрению хорват, а по вере католик.

А его сын уже стал классиком сербско-хорватской литературы и жил в Дубровнике — Иво Войнович. У него детей не было, а у его брата были две дочери. Я считал, кто они мне, и понял, что семиюродные тети. Они обе жили по девяносто с лишним лет. Одна из них в Нью-Йорке, а другая — в Загребе. Когда я пришел к той, которая жила в Нью-Йорке, она спросила: «А ты виски принес?» Я спросил: «А что, надо?» Она говорит: «А как же!» Я пошел, купил 0,75 литра виски, и мы с ней вдвоем это выпили.

— Хм... Да, было бы смешно.

— **В Сербии это должно быть как-то отмечено? Может быть, выбито на какой-нибудь стеле?**

— Где-то выбито. Например, скажем, в Дубровнике был такой писатель Иво Войнович, классик хорватской литературы. Здесь вообще все запутано. Кто такие сербы и хорваты или боснийцы, например? Сербы и хорваты — это сербы, которые приняли католичество. Вот один из моих родичей, предков не по прямой линии, Коста Войнович, — он был серб, а потом, как писали, покатоличел, то есть принял католичество. Он про себя говорил: я по рождению серб,

— **А сейчас?**

— Сейчас я столько не осилю. А она в девяносто лет полбутылки осилила.

— **Старая закваска.**

— Да. Вот такой род. Нашему роду посвящено специальное исследование, в котором все мы перечислены, все шестнадцать поколений. Только мужская линия. Вот что такое Сербия? Всегда менялся статус этой страны и этих мест. Например, некоторые мои предки были из Черногории, а в Черногории был такой флот в Которской бухте. И этот флот был сам по себе государством. Спрашивается, кому он принадлежал? Никому не принадлежал. Он был государством в государстве. Его президентом назывался капитан-регент. Руководил совет капитанов, и один капитан был сверху. И мои многие предки служили в этом флоте. У меня несколько поколений моряков.

— **По традиции вы должны были быть моряком, а не писателем.**

— Должен быть, но мой дед уже не стал. Ну, у меня вокруг писатели были, поэтому... Но вот Иво Войнович — это классик. Не по прямой линии, но нашего рода.

— **А как отнеслись ваши родители к тому, что вы стали писателем?**

— Они не ожидали. Потому что мой отец тоже писал, но у него не получалось с изданием книг. Он писал стихи, делал переводы. Книга его переводов издана после смерти. Это переводы с сербского, они посвящены Царству Сербскому, которое погибло шестьсот

— **Прекрасный гонорар был!**

— Ну нет. Я купил подержанный «Запорожец», он стоил две тысячи рублей. Я ездил первое время без прав. Просто сел в машину и стал ездить. И когда меня останавливали, я говорил милиционеру, что я права забыл, но доставал книгу и открывал на первой странице. «Видишь, — говорил я милиционеру, — тут написано: «Я ехал на своем самосвале...» Он читал эту строчку и верил, что я профессиональный водитель. После этого я дарил эту книжку ему, он брал под козырек, и я ехал дальше.

— **Доступная взятка и в те времена помогла...**

— Да, взятка в четырнадцать копеек.

— **Вы начинали как поэт. А сейчас пишете?**

— Пишу, но очень редко. В 60-м году, когда у меня напечатали в «Новом мире» первую

повесть, я сразу бросил писать стихи и не писал их лет двадцать пять. А потом вдруг написал одно стихотворение, потом еще одно...

— **Самое известное ваше стихотворение — это текст песни «На пыльных тропинках далеких планет...». Кажется, это была любимая песня Гагарина... Или Хрущева?**

— Гагарин, конечно, эту песню пел, но прославилась она, когда летали космонавты Николаев и Попович. Они вдвоем пели ее в космосе, а когда вернулись на Землю, Хрущев пропел один ее куплет с трибуны Мавзолея...

— **За это вы и орден уже сразу могли получить...**

— М-да... Меня, между прочим, тогда выдвинули на Ленинскую премию, но на первых этапах, и задвинули сразу вместе с композитором Оскаром Фельцманом.

— **Почему вы решили вернуться к «Чонкину»?**

— «Чонкин» с самого начала был задуман как эпиче-

лет назад в Косове. Почему Косово так болезненно для сербов? Да потому, что они когда-то буквально все за него погибли. Почти весь народ погиб за это Косово. Мой отец всю жизнь переводил сербский эпос. Он писал стихи, а под конец стал писать прозу.

— **То есть у него было ревностное отношение к тому, что вы стали писателем?**

— Ну да, в какой-то степени. Но все-таки он мой отец, он за меня радовался, просто ему казалось, что это такая профессия ненадежная. И он был по-своему прав.

— **Ваша первая книга вышла в издательстве «Советский писатель». Вам сколько лет было тогда?**

— Тридцать лет. Но дело в том, что до этого повесть «Мы здесь живем» вышла в «Новом мире». Книжка долго не выходила, и когда вышла — продавалась по цене 14 копеек. Она, между прочим, играла в моей жизни важную роль. Когда я получил первый гонорар, купил себе на него первую машину — старый горбатый «Запорожец».

ское произведение. Я закончил вторую книгу в 75-м году и практически тридцать лет думал о продолжении романа, но не получалось. Я не мог войти в сюжет, не слышал того камертона...

— **Получается, что вы эту эпопею писали 30–40 лет?**

— Долше гораздо. От замысла до конца прошло 49 лет. Рекорд, достойный Книги Гиннеса. Я все время думал о «Чонкине», меня этот замысел мучил. Я себя ощущал, наверное, как женщина, которая выносила тройню, двоих родила, а третий остался в ней. Войти в стилистику было почти невозможно. Я старел. Когда начал, мне было 26 лет, а сейчас мне — семьдесят пять.

— **Меняется ли герой книги вместе с вами?**

— В третьей части Чонкин совсем другой. В результате различных перипетий он стал фермером. Я видел десятки, сотни, тысячи таких Чонкиных, которые попали сначала в Германию, потом из Германии в Англию, Америку, Австралию и стали фермерами, сапожниками, кем угодно... Это была типичная судьба миллионов перемещенных лиц — бывших военнопленных.

— **Почему эта книга была запрещена в СССР?**

— Мои книги были запрещены за двенадцать лет перед тем, как я эмигрировал. Это не то, что я взял и спокойно уехал: меня за книги выгнали. А не то, что вот я уехал, а мои книги запретили. Их начали запрещать в 68-м году. Потом был короткий-короткий перерыв: власти снизили и у меня вышли книжка повестей и биография «Степень доверия», посвященная Вере Фигнер. Короткий период: в 72-м году начался и в 73-м году уже закончился.

С тех пор я был глухо запрещен, но уехал только в 80-м году. «Чонкин» был как красная тряпка для многих начальников, особенно для военных. Наверное, потому, что это в какой-то степени сатира на советскую действительность, на Советскую Армию, на КГБ-НКВД.

— **Сатира по-прежнему является актуальной сейчас?**

— А сатира всегда бывает актуальной и всегда не нравится.

— **У вас целая коллекция самиздатовских изданий «Чонкина». Получается, что в те годы, когда появлялись эти книги в России, могли и арестовать за их хранение — как за листовки или хранение книг Солженицына.**

— И некоторых арестовывали. Было такое.

— **В какой-то момент, несмотря на то что ваши книги довольно активно издавались, любители литературы вас узнали с необычной стороны — как живописца. В России, Германии и других странах прошли выставки ваших работ... Это казалось несколько странным, но тем не менее любопытным. Откуда пошло это увлечение живописью?**

— Я много лет писал, писал, писал... и наступил какой-то момент, когда мне стало это очень скучно. Я сидел за компьютер и знал, что хочу написать, но не мог написать ни строчки. А нам тогда подарили одну люби-

тельную картинку. Чего-то в ней не хватало, и мне захотелось ее подрисовать. Я купил ученические краски, взял кисточку и нарисовал фон. И вдруг увидел, что картина заиграла. Я не ожидал такого эффекта. Я стал рисовать еще и еще и вдруг понял, что сошел с ума. Мне было уже 62 года, и до этого я никогда не рисовал. Я вскакивал ночью и рисовал, я совершенно помешался... Это так же, как и с литературой. У меня бывали взрывы. Когда я писал книгу о Чонкине, у меня был взрыв. Обычно я пишу все-таки спокойнее: встаю, пью чай или кофе, раскачиваюсь, потом сажусь за компьютер и пишу. А это был взрыв. Такой же взрыв был с живописью. Если это сравнивать с любовью, это как медовый месяц.

— **В юности у вас, кажется, не было письменного стола?**

— Я жил в общежитии. У нас между двумя комнатами был предбанничек, в котором хранились рабочие робы, обувь, валенки. У меня были большая амбарная книга и детский стульчик. Я садился на этот стульчик, ставил перед собой валенок, клал на валенок амбарную книгу и писал. Двери открывались со стороны правого уха, открывались со стороны левого уха, хлопали, а я сидел и писал. Там я начал писать первые главы «Чонкина».

— **Вы валенок в валенок ставили?**

— Нет, ставил один валенок, он был жесткий.

— **Это я спрашиваю на всякий случай — вдруг пригодится.**

— Нет, я бы не желал вам этого. Это романтично, когда молодой, когда полон сил и надежд, что от этого валенка перейдешь наконец к настоящему письменному столу.

— **Чем вы тогда писали?**

— Первые ручки, которыми я писал свои книги, были, конечно, перьевые. Других-то в то время и не было. Эти авторучки приходилось заправлять чернилами, которые там засыхали, поэтому приходилось ручку все время встряхивать, обрызгивая иногда даже окружающих. Ну и себя в том числе. Когда появились ручки шариковые, то я стал писать, конечно, ими, хотя писали они, честно говоря, поначалу совсем плохо. Мне сейчас часто дарят красивые дорогие ручки с золотыми перьями, но по своей безалаберности я их все время куда-то засовываю. Впрочем, это происходит и с обыкновенными шариковыми, которые покупаю десятками: и они тоже все время куда-то исчезают. Ну а с тех пор, как появился компьютер, я могу писать только на нем, что уже жутко испортило мой почерк: он стал похожим на почерк врачей, выписывающих рецепты, — разобрать, что там написано, совершенно невозможно. Вот наши писатели-деревенщики любят поговаривать, что пишут книги «гусиным перышком». Может, мне тоже такое перышко завести? Только для начала надо бы гуся купить, правда?

Беседовал Александр Шталов. Фото: Владимир Обросов

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.